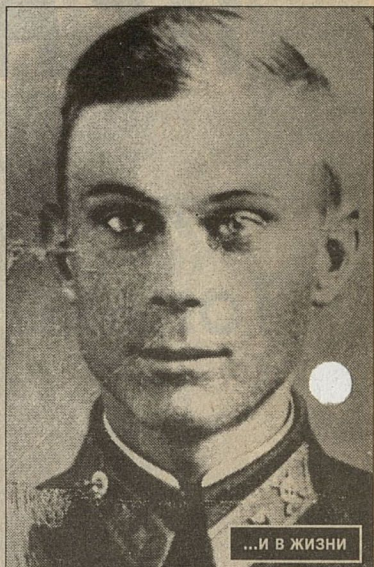

Рекордсмен по «нележанию»

Геннадий Сухин

В кино...

...и в жизни

Сегодня растолковывать, кто такой Евгений Матвеев, что называется, себе дороже: народный он, лауреат, профессор, член, депутат. Есть еще артист Матвеев – с полусотней ролей, есть режиссер, в застойную советскую эпоху рассказавший про любовь «земную», а в конце XX века трижды объяснивший, как любить «по-русски». Через четыре дня Матвееву – 80, на дворе век XXI, поэтому мы и спросили (словно запаматовали): как же это – любить по-нашему?

вать Сталина, но была у него работа – им написанная или нет, не про то сейчас речь, но там есть хорошая мысль: родной язык для человека тот, на котором он думает. Когда я стал офицером, до того у меня в активе был только украинский, поскольку биография моя была такой – «глубинно-хохлацкой». Русского языка я не знал совершенно, но с солдатами должен был на русском общаться... Так что к концу войны я уже и думать стал по-русски. А потом сцены русских театров; у меня же в биографии двенадцать лет Малого театра, в котором в то время за чистоту русской речи знаешь как дрались. И литература русская, музыка – все это моим стало. Но никоим образом не задушило во мне украинских корней. Вот я сегодня, если песню украинскую слышу на настоящем украинском языке, не на базарной «мове», такое удовольствие получаю!

– Брежнев вам часто поминают?

– На каждой творческой встрече поминают, спрашивают, зачем я его играл. Обычно отвечаю: «Сколько можно плевать в его могилу?» Я, между прочим, от этой роли пытался отказаться. И не по политическим причинам. По моим убеждениям, артист играть должен и Бабу Ягу, и Пугачева, и Гитлера... А почему Брежнев-то не могу?! Ведь роль его – самая урядная роль; это первое. А второе: почему нет?! Но в трех эпизодах огромного четырехсерийного фильма «Солдат свободы» появлялся эдакий сахарный сироп без единой человеческой черточки, с фразами, ужасно напоминавшими тексты докладов. Я пытался отвертеться: я и ростом выше, и старше уже годами, да и вообще не похож на него. Но мне сказали, чтобы я не капризничал, потому что на роль меня утвердил лично Суслов!!!

После выхода первой серии «Любить по-русски» в 1995 году народная молва записала Галину Александровну Польских в последние фаворитки Матвеева. Действительно, альянс двух любимых народных актеров смотрелся очень органично. Она не по годам привлекательная одинокая крестьянка – он тоже одинокий, порядочный и откровенный – бывший партаппаратчик. Слухов прибавили и фильмы-продолжения, на этот раз зрители заметили, что для любимого режиссера актрисы готовы практически на все (знаменитая сцена в бане – «Любить по-русски-2», где три русские наяды: Галина Польских, Лариса Удовиченко и Ольга Егорова – обсуждают своих возлюбленных).

Вот и решил народ, что Матвеев своих актрис любит как надо – без остатка. Слухи добавили фильму популярности, но все же мы надеемся: интервью газете «Россия», которое дал Евгений Семенович Матвеев, развеет пересуды, но не уменьшит внимания к его таланту.

Мне рассказывали, как герой мой смотрел «Солдата свободы» вместе с женой. Она ему: «Леня, по-моему, это ты...» Брежнев: «Нет, это – Матвеев, артист». В другом эпизоде Леонид Ильич признал: «Наверное, все-таки я. Брови мои!»

О-о! Народная молва делала меня мужем едва ли не всех актрис из моих фильмов: Виш Артмане, Ольги Остроумовой, Зины Кириенко, Леры Заклунной... Иной раз мне в укор даже то ставят, что женщины в моих фильмах «слишком красивые»!

– Вот-вот! Еще при появлении первого фильма трилогии меня журналисты эдак с издевочкой допытывали: «А как это все-таки любить-то «по-русски»?!» Да пошел ты, хотелось мне сказать. Вижу ведь: пошлость в вопрос свой вкладывает. Лично мне в понятии таком все ясно: от всей души, значит, искренне и безраздельно... Без камня за пазухой. И не только жену, любимую, но детей своих, родителей, землю свою. Отчизну... Беречь и охранять их, красотой их любоваться, словом в тяжкий момент ободрить... Жалеть, в конце концов! Вот спрашивает подруга подругу: «Муж любит тебя?» А та: «Жалует...» Ты вдумайся: любить – это, в сущности, не твоя заслуга, инстинкт животный, природой тебе данный... А жалеть – качество нравственное, душевное. Беречь, значит, защищать...

– Так Матвеев все-таки кто: актер или режиссер?

– У меня давно уже две души. И обе одинаково болят; когда думаю о роли в фильме другого режиссера, пытаюсь выстроить ее «режиссерски», а вся режиссура моя – актерская: через душу собственную пропущенная, через эмоции мои. Как и актерские образы, между прочим. А ведь в режиссуру-то я пришел случайно, но жить без этого уж не смог.

– А как это произошло?

– В 1965-м на праздничном представлении «Товарищ кино» получил травму позвоночника. Лошади испугались прожекторов и понесли тачанку, на которой я в обличье Нагульнова привешивал зрителей. Тачанка опрокинулась, и я метров семь по асфальту пролетел. Два с половиной года ходил с палочкой, в корсете. Врачи уверяли, что актером уже не буду. В это время я прочел популярную тогда повесть Анатолия Калинина «Цыган». Решил сам попытаться ее поставить. И про роль Будулая даже и не думал, хотя она забрала меня своим темпераментом и чистотой. Тут бы с режиссурой справиться: мне казалось, что все всё не так делают, и я за всех сделать старался...

Но вот актер театра «Ромэн» не приехал на кинопробы. И, чтобы подыграть актрисе, на худсовет приклеил бороду. А мне говорят: «Да что вы нам голову-то морочите?» С тех пор вот и совмещаю две души.

– Вы уж простите меня, Евгений Семенович, но вы-то себя по национальности кем ощущаете? Наполовину вы украинец, до восемнадцати лет – в глухомани «хохлацкой»... Малой родиной у вас в душе что остается? Чайбасы? Сибирь – Тюмень, Новосибирский театр «Красный факел», в котором работали? Или, скажем, Сегунский проезд возле «Мосфильма», в котором уж сколько лет живете?

– Вот сейчас не принято цитиро-

Недавно фотопортрет плебоя Матвеева отошел поклоннице за \$2,5 тысячи

Вот эти брови, по-моему, только и удались мне в фильме.

– А историю своего бывшего нomenclатурного партбонзы, нынешнего губернатора продолжите?

– Наш фильм – трилогия. И потому сказать, что мы продолжим историю, не могу: отлюбил я! И хотя меня уговаривают сделать телевизионный сериал, я не могу: зрителю будет неинтересно.

– А не признаетесь, что со времен совращения вами – князем Нехлодовым – Катюши Масловой (Тамара Семина) в швейцарском «Воскресении» народ не в меру пристально следит за связями Матвеева-артиста с его партнерами по фильмам?

– О-о! Народная молва делала меня мужем едва ли не всех актрис из моих фильмов: Виш Артмане, Ольги Остроумовой, Зины Кириенко, Леры Заклунной... Иной раз мне в укор даже то ставят, что женщины в моих фильмах «слишком красивые»! И не только физически... Может, потому, что родился я 8 марта, у меня с женщинами всегда очень хорошие отношения складывались. Одно время мне даже Фурцеву приписывали! (Министр культуры СССР в 60-е годы. – Авт.) Был я секретарем парторганизации Малого театра. И надо было кое-что для театра выбить; разговариваю с ней, а она: «Ну, ты уж не думай, что ты паца из себя такая, про тебя тоже кое-что известно!» – «Знаю, говорят, что вы – моя любовница» Видел бы ты ее лицо! Глаза... Мы с Лидией Алексеевной моей, как поженились в 47-м, так она меня и терпит. Нет, гадким утенком я, конечно, не был, и поклонники могли позвонить и такого наговорить!!! Или письма... Но чтобы Лидия хоть раз закатали спену! Иной раз и не догадывался. Вижу – расстроена, спрашиваю: «Что случилось?» «Ничего», – говорит, – Женя, все пройдет...»

На даче недавно ковыряемся в грядках. «Лидусь», – говорю, – ведь мы с тобой больше полвека уже рядом, ты бы хоть сказала: любишь меня или нет?... «Отстань», – говорит, – видишь: некогда мне...» Вот такая-то она, любовь «по-русски».

А про партнеров моих чего только не говорили! Они, когда мы с ними встречаемся, смеются: «Я там у тебя какая по счету в гареме?» Нет, это вовсе не значит, что у меня к ним не бывало душевного тяготения, очень даже бывало. Но я всегда боялся, что семья расплетется. Лидуся моя – самая уютная из всех женщин, мне известных. Я на нее вот уж сколько лет с обожанием смотрю...

– О чем жалеете в своей жизни, Евгений Семенович?

– Жалею, что не могу сегодня общаться с огромной страной. Что мешает? Система другая стала. Тем не менее хочу подчеркнуть: я за капитализм. Хотя совсем не так, к которому мы сейчас идем: мы все только разрушаем.

И еще в детстве я лишен был многого из того, что потом, уже взрослым, пожилым даже человеком, пришлось узнавать.

Таких имен, как Бунин, Достоевский, Есенин... в годы, когда я учился, просто не существовало. Жалею, что так и не сыграл Мартина Идена... И слишком поздно обратился к величайшему творению человечества Библии!

– Вы тоже срочно решили уверовать в Бога?

– Нет... Я не знаю не только кто он такой, но есть ли вообще.

Но в церковь иногда хожу, мне нравится, как люди себя ведут там, как они молчат... Приходя в храм, я – пусть на мгновение – отрываюсь от быта, который каждодневно давит. Я не знаю, о чем там люди молчат, – я молчу о работе, о семье, о жизни собственной...

– И все-таки вы судьбой своей – творческой и человеческой – довольны?

– Да. Я счастливый человек и потому, что до сих пор меня и на сольные концерты зовут, и на творческие встречи... А это ведь невероятно важно – чтобы кто-то в тебе нуждался! Мне ведь и роли еще предлагают. Но сам знаешь, сколько сейчас фильмов снимают... Примерно столько же и предложений. Тем более что читаю сценарий – и понимаю: им не артист Матвеев нужен, а Матвеев – имя и фамилия мои. Нет, я себя до сих пор абсолютно не представляю дедом, лежащим на печке и на всяких киношных тусовках. Вполне даже могу на рекордсмена претендовать по нележанию на шезлонгах, песочке, по количеству просмотренных в эти дни фильмов. Так что, надеюсь, не все у меня уже позади. Надо только работать.